

Д. М. ЛУКМАНОВА
(Омск)

ОТРАЖЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ТРАДИЦИОННОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БАРАБИНСКИХ ТАТАР В УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Аннотация: В статье рассматривается традиционная материальная культура барабинских татар в рамках, определяемых кругом фольклорных источников. Обзор материалов показал, что основные компоненты материальной культуры, фигурирующие в фольклорных сюжетах, тесно сопряжены с основными видами хозяйственной деятельности, бытом, традициями данной группы сибирских татар.

Ключевые слова: барабинские татары, фольклор, этническая специфика, традиционная культура, материальная культура.

В условиях функционирования региональной культуры изучение устного народного творчества этноса приобрело особую значимость и актуальность. Выделим, прежде всего, его социальную значимость, так как сохранение культурного наследия играет важную стабилизирующую роль в жизни человека. Историческая память, лежащая в основе фольклорного произведения, чрезвычайно важна для возрождения явлений традиционно-бытовой культуры.

В литературе отмечается, что в целом материальная культура барабинских татар развивалась менее интенсивно по сравнению с культурой туралинских, тоболо-иртышских, тюменских, томских и чатских татар [Файзрахманов 2002, 159]. Из этого следует, что материальная культура барабинцев, не подвергаясь значительным трансформациям, дольше сохраняла свою этническую специфику. Выясним, согласуется ли данный вывод с фольклорными материалами.

Каждый отдельно взятый элемент материальной культуры (средства передвижения, жилище, одежда, пища, утварь, орудия труда) нас «интересует главным образом как материал для познания традиции и механизма ее функционирования» [Чистов 1986, 44].

Средства передвижения (сухопутные и водные). Из сухопутных средств передвижения барабинских татар по данным фольклора выделяются следующие: лыжи (*цанга*), нарты (*цанак*), телега (*арба*); из видов водного транспорта — лодка (*кама*, *кима*). Данные средства передвижения упоминаются в сюжетах самых разных видов и жанров фольклора. Сразу отметим, что эти фольклорные данные вполне согласуются с историко-этнографическими сведениями.

Н. А. Томилов выделяет у всех барабинцев следующие типы лыж: «выгнутые и прямые подволоки, голицы с прибивной дощатой ступательной площадкой, голицы с бортиками, встречались одинаковые нарты, верховые седла» [Томилов 1978, 30]. Большинство героев волшебных сказок и легенд о батырах передвигаются на лыжах. Так, батыр Кунурбай использует лыжи-скороходы [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1977. Д. 3-1. К. 77], а батыр Карамонче предстает перед нами искусным лыжником, способным на лыжах за день обойти оз. Чаны [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1975. Д. 76-1. К. 89—90]. Приоритет, отданный фольклорными героями этому средству передвижения, вполне оправдан. Наличие данного элемента в сфере материальной культуры жителей Барабинской степи было вызвано, прежде всего, развитием охотничьего промысла, который являлся одним из традиционных занятий барабинцев длительный период времени. Так, в одном из преданий говорится: «...Когда снег становился глубоким, они (барабинцы. — Д. Л.) отправлялись на лыжах за лесным зверем...» [Титова 1976, 117]. Однако следует отметить одну существенную частность — лыжи в фольклорных сюжетах представлены в эпической манере: они всегда наделяются неким сверхъестественным свойством, элементом волшебства. Согласно одной из легенд, описание данного предмета волшебной атрибутики барабинского батыра выглядит

несколько гиперболизировано — они обладают невероятно высокой скоростью скольжения по снегу, так что задача преодоления батыром огромного расстояния оказывается для него легко выполнимой: «... он (Кунурбай. — Д. Л.) лыжи имел, летал на них в Москву» [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1975. Д. 72-3. К. 220; МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1977. Д. 3-1. К. 77]. Батыр ходил на лыжах «быстрее ветра», — говорится в легенде [МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 3-21. К. 140].

Упомянуты лыжи также и в предании, зафиксированном в середине XX в. лингвистом Л. В. Дмитриевой. В нем говорится следующее: «... Карлыгачев отправился зимой на лыжах. Он подобрал свои лыжи шкурой дикого зверя...» [Дмитриева 1981, 31]. Речь в данном случае идет о подволоках (лыжи, подшитые лосиным или оленьим камусом), которые предназначались «для передвижения зимой по глубокому рыхлому снегу» [Валеев, Томилов 1996, 88]. По всей видимости, лыжи были подшиты лосиным камусом, хотя не исключено, что это могла быть шкура и любого другого животного. Так, Д. А. Мягков пишет об использовании барабинцами также лошадиных и собачьих шкур [Мягков 2003, 65]. Н. А. Томилов в подшивке лыж лошадиными шкурами усматривает сочетание черт разных хозяйственно-культурных миров [Томилов 1993, 82].

Комплекс средств передвижения у барабинцев находился в тесной связи с хозяйственными и промысловыми занятиями [Селезнев 1994; Томилов, Богомолов, Курочка 1975, 178—205; Томилов 1986]. Так как для «северных групп барабинцев охота имела большее значение, чем для южных» [Миддендорф 1871, 92, 93], употребление северными охотниками лыж для передвижения по тайге имело преимущественное значение [Томилов 1993, 64].

Многие фольклорные произведения изобилуют сюжетами о дальних путешествиях на лыжах. Так, согласно одной легенде Чурум-батыр доходит до Москвы за 15 дней [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1973. Д. 72-12. К. 296]. А в легенде «О батыре Кунурбае» говорится следующее: «... У него (Кунурбая. — Д. Л.) были 134 лыжы-скоророды, они очень широкие и

обиты оленьей шкурой, которая приклеивается рыбьим клеем, приготовленным из рыбьей чешуи». И далее повествуется о том, что батыр за три дня на своих лыжах дошел до Москвы [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1977. Д. 3-1. К. 162]. В данном произведении содержится информация и об использовании специального клея для приклеивания камуса.

Известно, что изготовлением лыж занимались специально обученные этому ремеслу барабинские мужчины. Изготавливали их преимущественно из осины и березы. Это объясняется прежде всего тем, что «древесная растительность северного лесостепья состоит преимущественно из березы и осины, образующих перелески и колки» [Михайлов 1956, 213]. Об использовании осины в производстве лыж говорится в одном из преданий о батыре: «... Пошел батыр в лес, сделал из осины лыжи...» [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1977. Д. 3-1. К. 74].

Изготавливались лыжи барабинцами как для личного пользования, так и для обмена и продажи. Так, в легенде «Карамонче» ведьма предлагает главному герою совершить взаимовыгодный на первый взгляд обмен лыж на собаку. Карамонче, недолго думая, соглашается, но вскоре понимает, что далеко на собаках он вряд ли сможет уйти, и возвращает собаку прежней хозяйке [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1975. Д. 76-1. К. 89]. Из приведенного сюжета видно, что стоимость лыж эквивалентна стоимости собаки, а, как известно, собака у барабинцев имела всегда большую ценность, а в более ранние времена являлась объектом почитания. В одном из преданий говорится: «псы у них были божеством» (МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1972. Д. 72-7. К. 245). Об особом отношении у барабинцев к собакам писал еще в XVIII в. И. Г. Георги: «Собаки же здесь настоящие гончие, больше дюжи, нежели велики, и почитаются столь полезными, что они доброй собаки никогда на лошадь не променяют» (Георги 1796, 115).

В XIX — начале XX в. в систему средств передвижения сибирских татар входил санный и тележный транспорт (сани-розвальни, кошевые, четырехколесные телеги и двухколесные таратайки) [Валеев, Томилов 1996, 91].

Встречаются в фольклоре упоминания и о ручных прямокопильных нартах (*цанак, чаганак*) — охотничьих санях, которые предназначались «для транспортировки груза (капканов, ловушек, добычи)» [Валеев, Томилов 1996, 89]. В одном из преданий мы встречаем сведения о том, как во время охоты барабинцы запрягали собак в нарты [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1983. Д. 9-2. К. 27; МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1975. Д. 1-28. К. 21]. Запрягает в нарты собак и герой одной барабинской былички [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1983. Д. 9-2. К. 101]. Исследователи отмечают, что нарты, запрягаемые собаками, имели место у сибирских татар до первой половины XIX в. [Валеев, Томилов 1996, 90].

Сведения о санях (*цанак*) мы встречаем и в дастане «Алтын Цабак» («Золотая рыбка»), зафиксированном В. В. Радловым в середине XIX в.: «... *КүҮҮҮ анан соң пір цанак шайлады, канның помацыны парамын тән. Јігәргә үзүнүң јылгызы јок, цанагына олтудү, олтудү да айтти: Пір кудайнын нујуруүбүла, алтын цанак күрүгүбүлә кіт цанак!* (... придя после этого, сани приготовил одни, приговаривая: к ханну на помощь поеду. ... сказал: “У одного Бога прошу, золотые сани нужны бы, Едыте, сани!”)» [Радлов 1872, 6]. А вот в сказке «Алдар богачи просят главного героя отдать им сани взамен на его жизнь, на что Алдар категорично отвечает: «*Бирә алмыйм, үземә кирәк!»* (Сани мне самому нужны!) [Иртешкә 1989, 37].

В составе сухопутных средств передвижения выделяется широко распространенная группа, использующая животных для перемещения грузов или человека. Речь идет, прежде всего, о конном транспорте в его верховом и гужевом вариантах [Хозяйство 1999, 65—66]. Упоминаний о гужевом транспорте — телеге (*арба*) — встречается в фольклоре немало. Так, среди барабинских татар до сих пор не вышла из бытования поговорка: «*Кәмнән арбасына утырса, анын йырын йырларсаң*» (На чью телегу сядешь, его же песню и будешь петь) [МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 76-1. К. 105; Татар 2004, 14].

В фольклоре барабинцев не мог не найти отражения наряду с традиционным и современным механизирован-

ный вид транспорта. В 1970-х гг. бытовала одна интересная легенда о батыре Хаджи-Мурате, приехавшим якобы в Барабу из Казахстана и жившем в начале XX в. Безусловно, некоторые сведения, содержащиеся в ней, сомнительны, но нас интересует упоминание такого средства передвижения, как трактор, с появлением которого легенда связывает и смерть батыра Хаджи-Мурата. В событийной канве легенды лежит драматическая борьба батыра с трактором: «... *поднять трактор ему не удалось, тогда он решил, чтобы трактор проехал по нему. Когда трактор поехал, доски не выдержали тяжести гусениц и сломались. Так погиб Хаджи-Мурат*» [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1975. Д. 76-1. К. 101]. Таким образом, мы видим, как в результате этой неравной схватки все попытки батыра продемонстрировать свое физическое превосходство оканчиваются для героя трагически. Автор считает, что в данной легенде в завуалированной форме отражается непримиримость традиционных форм хозяйствования барабинских татар с современными, отказ от внедрения современных способов ведения хозяйственной деятельности. А также можно полагать, что некоторые из нововведений у барабинцев ассоциировались с чем-то губительным и разрушающим их традиционный уклад жизни.

Лодка (*кама, кима*), пожалуй, единственное традиционное средство передвижения, до сих пор не вышедшее из бытования. Н. А. Томилов выделяет у всех барабинцев (барабинско-туражской, любейско-тунусской и теренинско-чойской групп) среди средств передвижения одинаковые типы лодок (остроконечная долбленка западно-сибирского варианта, колодкообразный бат, небольшие дощатые лодки) [Томилов 1978, 30]. Л. В. Дмитриева в своей работе приводит историческое предание, сообщающее нам об использовании лодок в прошлом и переселенцами: «Ол чакта Онар аулын чура су-сас полган кишилар корти ауылга Кама мина йорганнар, кога агачлар су мына парып чыкканнар... (В то время вокруг аула Онар (Тармакуль. — Д. Л.), приезжавшие люди к аулу на лодках, выбрав деревья куги <сорт дерева>», 135

<на них> отправлялись по воде <реке, болоту>...)» [Дмитриева 1981, 100]. Встречаются упоминания лодки и в произведениях афористических форм. Например, поговорка, предупреждающая в шуточной форме: «*Ике кимәнән койроған тәтолмайсэн*» (Никогда двух лодок хвосты не поймашь) [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1975. Д. 76-1. К. 105].

Резюмируя, скажем, что в фольклоре барабинских татар представлен весь спектр традиционных видов транспорта Сибирского региона, в т. ч. и современные его виды, отражение которых может свидетельствовать об упадке некоторых традиционных средств передвижения, который Н. А. Томилов связывает в целом с уменьшением удельного веса охоты и рыболовства [Томилов 1978, 77].

Жилище. Фольклорные материалы содержат сведения о жилище барабинских татар и позволяют проследить этническую специфику и многообразие построек барабинцев.

Среди жилищ барабинских татар в прошлом встречались разнообразные типы — землянки, полуземлянки, дома из дерева, плетенные их прутьев мазанки, саманные. С переходом же к оседлому образу жизни барабинцы переходят к жилищам постоянного назначения.

В фольклорных сюжетах упоминаются жилые постройки как постоянного, так и сезонного назначения, последние были ориентированы на промысловиков — охотников и рыболовов. Жилища промысловиков можно классифицировать на летние и зимние, в зависимости от времени года. И. Г. Георги сравнивал зимники и летники барабинских татар с зимними деревнями и летними юртами башкир [Георги 1796, 113]. Если мы обратимся к фольклору, то становится очевидно, что в сюжетах большинства быличек, волшебных сказок в основном фигурируют постройки сезонного назначения. Так, в одной быличке говорится следующее: «*В урмане стояла одинокая избушка. В этой избушке обычно останавливались охотники. Люди говорили, что в ней живет нечистая сила, так как те, кто бывал в ней, живыми не возвращались, а умирали таинственной смер-*

тью...» [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1977. Д. 3-1. К. 28]. А в сказке «Котомгэ» также в основе сюжета лежит встреча охотника с нечистой силой в охотничьей избушке [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1977. Д. 3-1. К. 48].

Барабинские охотники возводили и несложные конструкции типа шалашей. Балаган упоминается, например, в легенде об Усмани — основателе аула Усманка [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1973. Д. 72-7. К. 208]. Строит шалаш для ночлега в урмане один из героев былички [МАЭ ОмГУ. 1983. Д. 9-2. К. 27]. Упоминается шалаш и в историческом предании об Ибрагиме, где описывается жизнь одной бездетной барабинской семьи Кёчитёч: «Они живут <в шалаше> из циновок: окон нет, двери нет, говорят, закрывались циновкой. В самой середине стоит котел, дым <из которого> выходит через отверстие вверху» [Дмитриева 1981, 90]. З. Д. Титова, описывая данный вид постройки, пишет, что «это было не что иное, как легкий подвижной шалаш — Tekmetschu, обтянутый берестой, камышовыми циновками или рогожами» [Титова 1976, 123].

Со второй половины XIX в. старые традиционные жилища татар начинают вытесняться жилищами, возникшими у них под влиянием русского населения [Валеев 1993, 100]. Речь идет о заимствованной от русских срубной технике постройки жилища. Описывая бревенчатые жилища (*огац* өй) барабинцев конца XIX в., Е. С. Филимонов отмечал достаточно плачевный их вид: «Дома жалкие, некрасивые, состоящие большей частью из одной избы, так как “горницы” встречаются здесь редко» [Филимонов 1892, 75]. О строительстве бревенчатого дома говорится в дастане «Цонтай-Марген»: «...Из тесаных бревен (балок) дома поставили, и там стали жить с народом...» [Радлов 1872, 4]. А вот в историческом предании об Ибрагиме говорится о том, что он (Ибрагим. — Д. Л.), прибыв в аул Тармакуль, первый строит дом из дерева и роет колодец [Дмитриева 1981, 91]. В сказке «Бака кияве» («Жених лягушки») старуха советует юноше затопить печь в доме для того, чтобы развеять свои сомнения в том, что его невеста является лягушкой [Иртешка 1989, 34, 35].

Встречается у барабинских татар загадка, передающая изменения в экстерьере жилища: «*Өй ортында бәр тана мөйәс мактана*» (За домом корова рогами хвастается (ставни дома)). Быгует также и одна короткая песня (*кыска ер*), в которой говорится о железных воротах:

*Пакца артында тимер капка,
Ацыла да йабыла <... >
(За огородом железные ворота
Открываются да закрываются <...>)*
[МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1983. Д. 9-1. К. 108].

Изменения коснулись и внутренней планировки жилища барабинских татар. Так, в середине XX в. В. В. Храмова отмечает стоящие на окнах домов цветы в глиняных крынках [Храмова 1949. Л. 31]. В одной из песен барабинских татар поется:

*Тирәзмне ачып гөл утырттым,
Тамырлары тирән китсен дип...
(Открыв окно, поставила цветы,
Пусть корни мощнее будут...)*
[Иртешкә 1989, 123].

Как видим, в фольклоре содержатся сведения как о старинных типах жилища барабинских татар, так и о современных. Несмотря на лаконичность фольклорных сведений, оказалось возможным выявление внешнего вида, его размеров и даже определение строительных материалов, которые использовались татарами при возведении того или иного типа жилища.

Одежда. В конце XIX — начале XX в. часть сибирских татар занималась изготовлением тканей в домашних условиях. Домотканина предназначалась для пошива одежды. Так, в одном из устных рассказов говорится, что одежду раньше шили из льна [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1971-1973. Д. 72-6. К. 59]. К сожалению, сам процесс изготовления ткани в фольклоре не нашел отражения, но зато в сказке встречаются прямые указания на занятие барабинских женщин прядением шерсти (*йән*): «*Фатима во время отсутствия своих родителей приглашает в дом своих подруг, с которыми она прядет шерсть*» [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1972. Д. 72-7. К. 162].

В конце XIX в. барабинцы уже использовали для пошива одежды покуп-

ные ткани, «которые выпускались различного вида и назначения» [Арофкин 1978, 129]. Так, во многих народных песнях барабинских татар можно встретить упоминание фабричных тканей:

*Аклы ситса кулмәгемнең
Якыларын каптырыйм
(Моего белого ситцевого платья
Воротник поправляю)*
[Иртешкә, 1989, 130].

Однако же, несмотря на то, что для изготовления одежды использовались барабинцами новые ткани, связь с традиционным костюмом пока по-прежнему сохранялась.

Известно, что ситец в основном шел на пошив повседневной одежды, начиная от платков и заканчивая платьями. А вот праздничная одежда, по мнению В. В. Храмовой, у наиболее зажиточных была из шелковых полосатых и пестрых материй, привезенных из Средней Азии [Храмова 1956, 482]. Так, указывая на свое превосходство, богатые барабинцы в своих песнях пели следующее:

*О, по вашей улице пройду-ка я!
Зеленый шелк протяну-ка я!
Если никто зеленого шелка
не достигнет,
<То> с пожеланием-песней пройду-ка я!*

По фольклорным материалам возможно проследить многообразие верхней одежды барабинских татар. Рассмотрим верхнюю плечевую одежду. Известно, что сильное влияние на одежду сибирских татар оказали поволжские татары, от которых заимствовались некоторые типы женских рубаш, платьев, камзолов, мозаичные ичиги, башмаки. В фольклоре достаточно часто упоминается такой вид одежды, как камзол (камзол — это верхняя плечевая женская одежда без рукавов, которую, как правило, надевали поверх платья расстегнутым). Вот что говорится о камзоле в песне барабинских татар «Мансур жиры» («Песня Мансура»):

*Өстенә лә кигән камзулыңны,
Өлгеләргә салып ук кистеңме,
Өлгеләргә салып ук кистеңме?...
(Одетый на себе камзол
По выкройке ли сшил?
По выкройке ли?...)*
[Иртешкә 1989, 129].

По мнению В. В. Храмовой, в середине XX в. старых камзолов почти не сохранилось [Храмова 1949, Л. 54]. Так, описывая камзол, она пишет, что он «бархатный, длинный ниже колен, узкий в талии, и такой камзол обшивался кругом позументом, лентой или шнуром фабричного изготовления» [Храмова 1949, Л. 44]. Об орнаменте, к сожалению, мы не находим сведений в фольклоре, но позумент, который пришел ему на смену, упоминается довольно часто, например:

*И... ат пайлатым кубаныска,
Чан пайлатым тозаныска,
Карап кына торып есим кетти,
Алтын штоп окалу йаганыска*

(О, привязал я лошадей к вашим воротам,

Бубенчики привязал я к вашей дуге.

Смотрел я и был поражен
Вашими с позументом из золотой
материи воротничками)

[Дмитриева 1981, 74, 76; МАЭ ОмГУ.

Ф. I. 1975. Д. 72-7. К. 186].

В некоторой песне указывается даже предпочтительная длина платья:

Ситса көйлэгэмнэ

Кыска итэп тектерям...

(Платье из белого ситца

Буду шить коротким ...)

[МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1983. Д. 9-1. К. 253].

Или вот еще:

Озын кимим, кыска кимим,

Кыскача гына киям лэ,

Кыскача гына киям ...

(Длинное не надеваю, короткое не надеваю,

Укороченное только надеваю ...)

[Иртешкэ 1989, 124].

Из приведенных примеров очевидно, что в советский период предпочтение барабинские женщины уже начали отдавать платьям короткой или средней длины, в то время как в соответствии с нормами шариата традиционные женские платья (*килек, кульмак*) сибирские татарки шили длинными, до стоп, с длинными рукавами, закрывавшими пальцы [Смирнова 1994, 139].

Упоминаются в фольклоре полушубки, шубы, тулупы и т. д. Так, в дастане «Цонтай-Маргэн» девушка с джигитом

обмениваются полушубками, чтобы таким образом ввести в заблуждение 40 ее подружек: «Кырк кызаклары турду, жігітні кыснын тоонын кіп алранда кыс тап піді, кысны жігітнің тонында тап піді (Сорок подружек проснулись, джигита в полушубке девушки опознали как девушку, и девушку в полушубке парня как джигита)» [Радлов 1872, 4]. В другой легенде о батыре в эпической манере указывается даже количество шкур (60 шт.), которое необходимо для изготовления шубы батыра [МАЭ ОмГУ. Ф. 1971. Д. 72-7. К. 220].

Головному убору отводится важная роль в комплексе народного костюма. С конца XIX в. головные уборы барабинских татар претерпевают большие изменения. Упоминание мужского головного убора мы встречаем в песне, в которой солдат сравнивает шапку, надеваемую на голову, с птицей, севшей на яблоню:

*Башкынамай кигэн коремкэй бурек,
Алмагачкай кунган ла кош кебек <...>
(Надел на голову шапку с ободком,
Как на яблоню севшая птица) <...>
[Иртешкэ 1989, 124].*

В одной из загадок упоминается головной убор «бурек»:

*Турт экэляр — нэр бурек (остэл)
(Четыре брата — одна шапка (бурек))
[МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1983. Д. 9-1. К. 283].*

Упоминается также и чалма, которую барабинские татары заимствовали у выходцев из Средней Азии [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1977. Д. 3-21. К. 209].

Среди женских головных уборов большое место занимает платок (*йаулык*). Так, в одной песне поется:

*Если я буду петь у Сарман,
Будешь ли ты слушать меня?
Будешь ли с ожиданием смотреть,
Если я помашу платочком голубым?
[МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1972. Д. 72-7. К. 198].*

Обувь барабинцев также нашла отражение в их фольклоре. В прошлом барабинцы носили сапоги (*ичиги*). Название обуви заложено в название одного из дастанов барабинских татар: «Идегей» в переводе с тарского означает «надень сапог». Известно, что *ичиги* барабинские татары заимство-

вали от казанских татар. По мнению Н. А. Томилова, *ичиги* — сапоги на мягкой подошве — можно отнести к числу общих сходных видов и элементов традиционно-бытовой культуры казахов и сибирских татар [Томилов 1993, 107]. Встречается в бывальщине и такой вид обуви, как *ату*: «Мать (рубаху. — Д. Л.) на пол бросила, ату <сапогами> затоптала [МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 3-1. К. 55].

Особо хотелось бы сказать и об отражении в фольклоре дополнительных элементов одежды — украшений. «Материалом для украшений было серебро различной степени чистоты, а также золото, медь, бронза, но эти металлы использовались реже, и для татарских украшений они не характерны» [Смирнова 1995, 217].

К наручным украшениям барабинских женщин относятся всевозможные браслеты (*пэллек*), кольца (*йөсәк*). Предпочтение отдавалось изделиям из золота и серебра. В фольклоре кольца упоминаются с эпитетом «золотые», а браслеты — «серебряные». Для наглядности обратимся к следующему примеру: в сказке «Ярлы котын» («Бедная женщина») старуха-колдунья похищает золотое кольцо (*алтын есөк*) у девушки [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1977. Д. 3-1. К. 142]. Также в одной из песен говорится о кольце:

*Кулымдагы йезегемне
Иселенаре Мунавар <...>
(Кольцо на моей руке
Подарено Мунаваром <...>)*

В «Легенде о любви» называется сразу несколько элементов украшения — серьги и бусы [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1975. Д. 76-1. К. 69]. На героине мы встречаем повседневное украшение — бусы (*мунцак*). В тексте также говорится о том, что во время погони за главной героиней, поочередно рвутся нити бус на ней. По-видимому, здесь упоминаются мелкие бусы (*йенце*). Именно из бисера, по мнению Е. Ю. Смирновой, «наиболее эффектно выглядели бусы из 10—12 нитей» [Смирнова 1995, 223].

«Богатые барабинские татарки носили тяжелые, трубчатой формы серебряные и золотые тонкой ювелирной работы нагрудные украшения, которые считались одновременно и амулетами.

На обратной стороне пластины написаны арабские изречения, предохраняющие якобы от злых духов» [Храмова 1949. Л. 88].

Отражение барабинских украшений в фольклоре ограничивается описанными. Конечно, перечисленные украшения далеко не исчерпывают всего разнообразия форм, которые встречаются у данной группы сибирских татар. Несмотря на то что этническая одежда давно уже вышла из употребления, фольклор барабинских татар хранит уникальные сведения об исчезнувших формах одежды, бытовавших еще в прошлые века.

Пища. Фольклор способен также передать многообразие пищевого рациона барабинских татар. Рассмотрение данного компонента материальной культуры важно, так как именно в пище, нежели в других сферах материальной культуры, как утверждают исследователи, наиболее стойко сохраняется этнографическая специфика [Томилов 1978, 75; Этнография 1981].

Так, у сибирских татар «в пище нередко повседневными продуктами были рыба (сушеная, соленая, вяленая сырая, вареная, жареная), мясо диких животных и птиц, которые заготавливались впрок...» [Томилов 1993, 80]. Ф. Т. Валеев отмечает, что «герои сказок и некоторых других жанров сибирско-татарского фольклора часто выступают как искусные охотники, меткие стрелки (*мэргэн*). Это свидетельствует о том, что более древним видом пищи сибирских татар было мясо» [Валеев 1980, 120; Валеев 1993, 105]. В сказке «Козыкёрпёч» герой, придя в лес, убивает какую-то дичь и готовит для себя обед [Дмитриева 1981, 32]. В сказке «Кычыгын агай» старик кормит орла бараниной [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1977. Д. 3-1. К. 11]. А в предании о Карамонче говорится о том, как батыры Карамонче и Оклегэ употребляют дичь в вареном и жареном виде, без соли и хлеба [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1977. Д. 3-1. К. 60]. В сказке «Цан-Маргэн» главного героя также угощают мясом [Дмитриева 1981, 62].

Во второй половине XIX — начале XX в. в рационе у части барабинцев, так же как и у тоболо-иртышских татар, основной питания была рыба и рыбий жир 139

[Валеев, Томилов 1996, 104]. Так, дастан «Золотая рыбка» («Алтын цабак») уже своим названием указывает на рыболовный промысел. «На Барабе рыба имела товарное значение. Рыбу продавали на рынках, ярмарках и в соседних русских селениях» [Файзрахманов 2002, 346]. Рыбу также обменивали на предметы первой необходимости. И это нашло свое отражение в фольклоре. В сказке «О батыре Батыш» говорится о том, что на вырученные от продажи рыбы деньги старик приобретает два ружья для охоты: «Балыклары белән базарга киткән. Аларны яхши бәя белән сатып, эллеке ачкаларын бергә кушып ике мылтык, ике кылыч, өч киёмнәре сатып алып өйгә кайткан да аларнын сәләмә киёмнәрен алыштырган, икесенә дә мылтык, кылыч биргән» [Иртешкә 1989, 13].

В фольклоре барабинцев, как правило, главными героями выступают охотники и рыболовы, основу пищи которых составляет мясо животных, птица, рыба и ягоды. Например, в сказке «О батыре Батыш», старик-рыбак (*карт балыкча*) угощает братьев рыбой и мясом птицы: «... Карт болаларны балык һәм кош итләре пешереп сыйлай-сыйлай сөйләштергән» [Иртешкә 1989, 12]. Упомянется также и употребление вареной конины в дастане «Цонтай-Маргән» («Меткий стрелок») [Радлов 1872, 1]. Здесь же мы узнаем и о том, что в употребление шли также внутренности животных: «... старшие братья, съев все мясо, оставляют младшему своему брату Цонтаю-Маргену лишь кишки (*ичау*)» [Радлов 1872, 1].

Большое место в повседневной жизни барабинцев занимало и собирательство. Барабинские женщины занимались сбором самых разных ягод: смородины, костяники, земляники, клюквы и т. д. Об этом говорится в загадках, песнях и других произведениях фольклора [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1983. Д. 9-14. К. 115; МАЭ ОмГУ. Ф. I. 2005—2007. Д. 197-1. К. 29]. С костяникой сравнивает свою возлюбленную Батыш (Фатиму) и поэт-импровизатор Айтукә:

*Кысылгат дөгән йёгишләрнин
 Ачи лә ташлы тышы татлы.
 Мениң гинә сойгән шол Батышның
 Тили таталы көңили қатты*

(Так называемой костяники ягоды
 Внутри твердые, снаружи сладкие.
 У той моей любимой Батыш
 Язык ее сладок, <a> сердце ее твердое)
 [Дмитриева 1981, 105].

Герои многих сказок питаются ягодами, например, заблудившийся в лесу Сайнул-Мулюк — герой «Сказки о семиголовой птице Семруг» [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1972-1973. Д. 72-8. К. 158—159]. Так же и герой сказки «Большой Иван и Малый Иван» отправляется со своей возлюбленной на сбор волшебных ягод [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1977. Д. 3-1. К. 173-176]. Об употреблении кореньев камыша говорится и в дастане «Цонтай-Маргән» [Радлов 1872, Т. 4, 1—5].

В XIX — начале XX в. сибирскими татарами в пищу употреблялись и молочные продукты [Валеев 1993, 107]. В предании об Ибрагиме, записанном Л. В. Дмитриевой, раскрываются секреты приготовления творога: «Встав утром, старуха готовит для еды себе творог, делая творог кипячением того же самого молока» [Дмитриева 1981, 90]. А вот предупреждающая поговорка: «*Май да каймак пулмас*» (Не всегда масло и сметана будут!) [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1971—1973. Д. 72-7. К. 199].

Известно, что «катык издавна употребляется сибирскими татарами так же, как и многими другими тюркскими народами, как приправа к крупяным супам, лапше и пельменям; приправленный сметаной или сливками катык подавался к чаю (*катык каймак*); катык, смешанный с молоком, ели с хлебом или горячим картофелем, как суп (*катык эцу*). Наконец, из катыка готовится айран путем смешивания катыка с водой» [Валеев 1993, 107]. В сказке «О батыре по имени Батыш» мы встречаем упоминание этого продукта: «... *каен яныннан ерак тугәл, энә анда бәр зур таш бор, таш астында салкән котык (кое) бар...* (... недалеко от березы лежит один большой камень, под этим камнем прохладный катык стоит)» [Иртешкә 1989, 25].

Теперь остановимся на отражении в фольклоре мучных изделий. Часто встречается упоминание хлеба, который выпекался в уличных печах [Храмова 1949. Л. 89]. Так, в сказке

«Черт-пери» черт поручил юноше испечь хлеб [Дмитриева 1981, 113]. А в сказке «Карамонче» родители главного героя отправляют на помощь своему сыну его друга, которому дают в дорогу свежее испеченный хлеб [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1975. Д. 76-1. К. 90]. У барабинских татар до сих пор бытует поговорка:

Кеше таи плян атса, син аш плян ат
(Если в тебя человек камнем бросит, ты его хлебом встретишь)

[МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1983. Д. 9-1. К. 110].

В данном тексте хлеб наделяется той волшебной могущественной силой, которая способна в борьбе со злом одержать победу.

Во многих фольклорных произведениях упоминается *сумса* (пирожки). Так, герои сказки «Солдат» употребляют *сумсу* [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1977. Д. 3-1. К. 40]. А вот загадка, в которой упоминается пирог (*пәлец*):

Мейец тула пәлец, уртасэнта — олац
(ай, йылытыс)

(Печь полна пирогов, посередине — калач (луна, звезды))

[МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1983. Д. 9-1. К. 279].

Из толченых ячменных и пшеничных зерен барабинцы готовят *талкан* [Валеев, Томилов 1996, 105]. Кстати, в предании «Юнус» поэтапно отражается весь процесс приготовления *талкана*: «...руками обрабатывали зерно, мололи ручной мельницей, пшеницу жарили, из жареной пшеницы готовят *талкан*» [Дмитриева 1981, 99]. Упоминается *талкан* и в сказке «Козыкёрпёч», где герой, придя домой, просит свою мать приготовить *талкан*: «Поел бы я, — говорит он, — жареную пшеницу, другой еды <мне> не нужно!» [Дмитриева 1981, 32—49].

В сказке «Козыкёрпёч» отражены и другие традиционные изделия татар из зерна и муки, в частности *баурсаки*: «Баянсылу на протяжении двух дней посылала жаворонка, привязав золотой нитью к его крылу баурсак для Козыкёрпёча» [Там же, 47]. Айтуке и здесь в одном из своих произведений сравнивает рот своей возлюбленной Батыш с медовым баурсаком: «... он такой круглый <и> такой широкий» [Там же, 106].

Таким образом, по данным фольклора, основу пищи данной этнической группы сибирских татар составляли мясные, молочные продукты, а также рыба.

Орудия труда. В фольклоре барабинцев упоминаются многочисленные орудия труда. В основном отражены орудия, использовавшиеся барабинцами во время охоты и рыбной ловли. Так, в дастане «Цонтай Маргэн» герой во время охоты на дичь использует бич (плеть) [Радлов 1872, 1—5], который также вместе с арканом фигурирует в сказке «Алдар и черт» во время драки [МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 1-3. К. 101]. Аркан встречается и в сказке «Тэн батыр» («Сильный батыр»). Кич-батыр («Вечерний батыр»), придя к пещере, изготовил из ивы аркан и спустился в яму [МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 3-1. К. 43—45]. Упоминается в легендах о батырах и топор (*полта*), без которого не мог обойтись ни один барабинский охотник [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1975. Д. 1-28. К. 72, 73]. Для защиты от «нечистой силы» использует топор и главный герой одной былички [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1975. Д. 1-3. К. 100]. Эпическая проза изобилует упоминаниями о всевозможных луках (*ягы*) и стрелах (*ок*). Так, в легенде о батыре упоминаются костяные и деревянные луки: «...У *Карымбатыра* был лук костяной. Когда он отпустил лук, то жужжал сильно, как аэроплан» [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1973. Д. 72-3. К. 208]. Встречается орудие для метания стрел и в эпическом сказании «Козыкёрпёч»: «Козыкёрпёч восьми-девяти лет начал стрелять из лука, когда <ему> исполнилось двенадцать лет, он, взяв лук своего отца, пришел к реке. Смотрит на реку <и видит>: какая-то женщина набирает воду белым ведром. Козыкёрпёч сказал: “Ну, выстрелю-ка я из лука в твоё ведро!”» [Дмитриева 1981, 40].

Исследователи отмечают, что во второй половине XIX — начале XX в. барабинцами во время охоты широко использовались ружья [Томилов 1986, 66; Томилов, Богомолов, Курочка 1975, 180—182]. Так, в сказке «О батыре по имени Батыш» старик на вырученные от продажи рыбы средства приобретает на базаре два ружья для 141

охоты [Иргешкэ 1989, 13]. Стреляют из ружей и герои одной барабинской сказки [МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1977. Д. 3-21. К. 119].

Встречаются в фольклоре и орудия сельскохозяйственного значения. Так, загадка утверждает:

Балэкэй генэ бокэрэ, Бэтэн кэрнэ ботэрдэ (урак)

(Маленький стручок весь луг скошил (серп))

[МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1983. Д. 9-1. К. 282].

Серп (*урак*) упоминается и в загадке:

Паши — тарак, койрокэ — урак, аны пельмэгэн — дурак (курас)

(Голова как гребень, хвост как серп, кто его не знает — дурак (петух))

[МАЭ ОмГУ. Ф. I. 1983. Д. 9-1. К. 114].

Итак, компоненты традиционной материальной культуры, фигурирующие в фольклорных сюжетах, тесно сопряжены с основными видами хозяйственной деятельности, бытом и традициями барабинских татар. Речь идет о таких промыслах, как охота и рыболовство, которые входили в число важнейших традиционных специализаций данной группы сибирских татар. Подтверждением этому могут являться летние и зимние средства передвижения, типы жилища, представленные промысловыми постройками (зимники и летники), пища, состоящая в основном из продуктов охоты и рыболовства, а также орудия труда, представленные орудиями рыболовства и охоты.

Несомненно, ценны также упоминания в преданиях и легендах различных компонентов материальной культуры: традиционных средств передвижения, таких как лодка (*кима*), лыжи (*цанга*), сани (*цанак*), элементов жилища (*эй*), народной одежды, пищи, домашней утвари, орудий труда — всего того, что в полной мере способно передать этническую специфику культуры и быта барабинских татар.

Материальная культура барабинских татар в конце XIX — второй половине XX в. претерпела большие изменения. Наиболее значительные изменения произошли в быту в условиях

советского колхозного строя. Именно в советский период новации охватили практически все элементы материальной культуры. В культуру барабинцев внедрялись и общесоветские черты. В фольклорных сюжетах нашли отражение как традиционные, так и современные элементы культуры барабинских татар. Отчетливо прослеживаются по данным фольклора результаты этнокультурных контактов, сопровождавшихся внедрением иноэтнических элементов культуры, со временем перешедших в разряд традиционных. Общение с соседними народами, каким бы ограниченным и непостоянным оно ни было, оказывало определенное влияние на исторически сложившиеся традиции культуры и быта барабинских татар. Так, нивелирующее воздействие на язык и народный быт сибирских татар оказали бухарцы, поволжские татары, а также русские.

Приведенный в данной статье фольклорный материал позволяет проследить, в какой мере фольклор может являться источником для освещения материальной культуры и изучения этнокультурных контактов, взаимовлияний барабинцев с другими группами сибирских татар и соседними народами. Исследование фольклорных материалов подтверждает значительное ослабление этнической специфики традиционно-бытовой культуры данной этнической группы со второй половины XIX в.

Литература

Арофикин 1978 — Арофикин Е. В. Фольклор как источник изучения материальной культуры // Советская этнография. 1978. № 5. С. 119—130.

Валеев 1980 — Валеев Ф. Т. Западно-сибирские татары во второй половине XIX — начале XX вв. (Историко-этнографические очерки). Казань, 1980.

Валеев 1993 — Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993.

Валеев, Томилов 1996 — Валеев Ф. Т., Томилов Н. А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996. (Культура народов Сибири; Т. 2.)

Георги 1796 — Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкнове-

ний, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. I—IV. СПб., 1796.

Дмитриева 1981 — *Дмитриева Л. В.* Язык барабинских татар. Л., 1981.

Иртешкә 1989 — Иртешкә сәяхәт: Әкиятләр, Жырлар. Казан, 1989.

Миддендорф 1871 — *Миддендорф А. Ф.* Бараба. Записки Академии Наук. СПб., 1871, Т. 19. № 2.

Михайлов 1956 — *Михайлов Н. И.* Сибирь. М., 1956.

Мягков 2003 — *Мягков Д. А.* Традиционный культурный комплекс рыболовов у барабинских татар аула Тебис в первой половине XX в. // Народная культура: личность, творчество, досуг (Этнокультурный и творческий потенциал личности в пространстве досуга). Омск, 2003. С. 63—66.

Радлов 1872 — *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар Сибири. 1872. Т. 4.

Смирнова 1994 — *Смирнова Е. Ю.* К вопросу о влиянии ислама на традиционную одежду сибирских татар конца XIX — первой трети XX в. // Ислам, общество культура: Материалы Международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI в. (К 600-летию ислама в Сибири)». Омск, 1994. С. 137—140.

Смирнова 1995 — *Смирнова Е. Ю.* Женские украшения сибирских татар конца XIX — первой трети XX века // Материальная культура народов России. Новосибирск, 1995.

Татар мифлары 1999 — Татар мифлары: ияләр, ышанулар, ырымнар, фаллар, им-томнар, сынамышлар, йолалар (Татарские мифы: Божества, поверья, заклинания, заговоры, приметы, обряды). Казан, 1999.

Титова 1976 — *Титова З. Д.* Барабинские татары (Историко-этнографический очерк) // Из истории Сибири. Томск, 1976.

Томилов 1978 — *Томилов Н. А.* Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск, 1978.

Томилов 1992 — *Томилов Н. А.* Этническая история как научное направление // Проблемы методологии исторических наук: Межвед. темат. сб. науч. тр. / под ред. Г. К. Садретдинова, Н. А. Томилова. Омск, 1992.

Томилов 1993 — *Томилов Н. А.* Проблемы этнической истории: (По материалам Западной Сибири). Томск, 1993.

Томилов, Богомолов, Курочка 1975 — *Томилов Н. А., Богомолов В. Б., Курочка Ю. И.* Новые материалы по этнографии барабин-

ских татар // Из истории Сибири. Вып. 16. Томск, 1975. С. 178—206.

Томилов 1986 — *Томилов Н. А.* Хозяйство барабинских татар в XIX — начале XX в. // Генезис и эволюция этнических культур Сибири (Сборник научных трудов). Новосибирск, 1986. С. 65—76.

Файзрахманов 2002 — *Файзрахманов Г.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002.

Филимонов 1892 — *Филимонов Е. С.* Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы или Спасского участка Каинского уезда Томской губернии (материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири). СПб., 1892. Вып. 17.

Хозяйство 1999 — Хозяйство и средства передвижения сибирских татар в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Новосибирск, 1999.

Храмова 1949 — Дневник экспедиции по этнографическому изучению сибирских татар 1949 г. В. В. Храмовой (с 1/VIII по 9/IX) // Научный Архив МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 10.

Храмова 1956 — *Храмова В. В.* Западно-сибирские татары // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 473—491.

Чистов — *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор: Очерки теории / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Л., 1986.

Этнография 1981 — Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии. М., 1981.

Сокращения

МАЭ ОмГУ — архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

МАЭ ТГУ — Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета.

Summary. The author considers traditional material culture of Baraba Tatars in the framework limited by the circle of folklore sources. The analysis of materials shows that the main components of material culture appearing in folklore plots are closely conjugated with the main types of economic activity, life, and traditions of this group of Siberian Tatars.

Key words: Baraba Tatars, folklore, ethnic specifics, traditional and material culture.